

Ю.М. ОСИПОВ

Философия на миру: абстракции и практики*

Аннотация. Раскрывается роль философии в формировании сознания и в социоэкономической практике, включая российскую современность.

Ключевые слова: философия, философские абстракции, философская практика, сознание, культура, цивилизация, Россия, российские перемены.

Abstract. The article is devoted to the philosophy role in formation of consciousness and in economy practice including the Russian present.

Keywords: philosophy, philosophical abstractions, philosophical practice, consciousness, culture, civilization, Russia, Russian changes.

Наука открывает тайну природного, или физического, мира, религия закрывает собой тайну мира иного, или метафизического, философия же остается с тайной мира вообще — что физического, что метафизического, не пытаясь разрешить тайну мира — как точная наука, и не преодолевая тайны мира — как догматическая религия. Философия предпочитает иметь дело не со знанием, а с незнанием, стараясь это последнее не более чем осознать, никак не превращая его в конечное — опытно-доказательное или же верообусловленное — знание. Если наука и религия явно что-то знают, пусть каждая свое и по-своему, то философия, исходя более всего не из знания, а из незнания, никак не претендует на какое-либо законченное знание. В сердцевине философии знание-размыслительная неопределенность, восходящая к тайне мира, а не определенность, восходящая либо к точному (физическому) знанию, либо же к утвержденному от имени высшей силы непререкаемому догмату (вполне, кстати, и метафизическому).

Философия есть свободное суждение человека о мире, бытии, жизни, включая человека и его сознание, то самое суждение, которое позволяет человеку самому ориентироваться в полных тайны мире, бытии, жизни, включая и себя со своим сознанием. Философия — изъятие сознания, осознание всего и вся, но и формирование самого сознания. Философия исходит не так от природы, как наука, и не так от высшей силы, как та же религия, как из самого по себе человеческого сознания, весьма и трансцендентного, оказываясь результатом диалога между сознанием и окружающим его внешним миром, в котором акцент уже не на природе и не на высшей силе, а на самом сознании. Истина здесь более всего не в природе и не в ином мире, а... в сознании. Философия — постоянно действующая попытка человека оставаться человеком на основе и посредством своего сознания, его непрерывного осознания, насыщения и совершенствования. Философия не чужда природе и науке, не сторонится она и высшей силы с религией, но она обязательно и по преимуществу сама по себе — *сама-себе-мудрость*.

Сознание человеческое — сознание прежде всего и в целом *философическое*, а потом уже частично научное и частично религиозное. Достаточно обратить внимание на текущее жизнеотправление человека как на истечение и работу сознания, чтобы убедиться в том, что человек, замечая это или нет, непрерывно философствует, пусть и вполне по-обыденному. Человек думает, размышляет, оценивает, принимает решения и действует в условиях более всего не полной определенности, не полной известности, не полной управляемости, в общем — взаимодействуя с той или иной тайной. Однако человек, наделенный сознанием, имеет возможность помещать свое сознание в метасознательное (сверхсознательное) пространство, находиться в нем вообразительно и с той или иной степенью ошибок, отклонений и фантазий прочитывать бытийный контекст, его воспринимать, с ним взаимодействовать, реализовывать свое жизнеотправление, хозяйствовать, быть. Не знание толкает человека к философствованию, а как раз незнание, а потому философствование — погашение незнания не столько через знание, сколько через... незнание, постоянно с человеком и его сознанием взаимодействующее.

Выделившееся из обыденного философствования абстрактное философствование, или *философия философии*, — достояние соответствующим образом подготовленной группы цивилизованных особей. По преимуществу это знатоки *философии* (этой как раз философии философии), частично интерпретаторы и лишь в порядке исключения — творцы. Особенность абстрактной философии (этой самофилософии или для-себя-философии) в том, что ни одна из ее версий не является ни общепринятой, как в науке, ни общеобязательной, как в религии. Сколько философов, столько и философий! Это, правда, не значит, что у философии как таковой не может быть ни общего языка (хотя бы для части философии), ни общих смысловых опор, ни кое-каких категориальных инвариантов. Есть *мир философии*, он же и *философский мир*, в котором бытует более или менее всеми принимаемое и понимаемое логосно-семантическое ядро, хотя ни для кого и не строго обязательное.

* Брянское философское общество, проводя 25 марта 2014 г. на базе Брянской областной научной универсальной библиотеки имени Ф.И. Тютчева II философские чтения «Философия в контексте современных социальных практик», обратилось к директору ЦОН при МГУ профессору Ю.М. Осипову принять участие в обсуждении следующих тем:

- Философия в поисках моделей модернизации;
- Социальные и этнические проблемы в глобализирующемся мире;
- Образование и культура в условиях глобализации;
- Человек в условиях техногенной цивилизации.

Предлагаем текст, представленный в адрес чтений в качестве доклада.

Впечатление, что философия есть что-то совсем уж абстрактное, неопределенное, расплывчатое, рассеянное, несобранное и т. д. — обманчивое впечатление, рождающееся обычно у неподготовленных обывателей и ограниченных ученых. Философия — как раз то, что в наибольшей степени соответствует сознанию, психике, жизни, бытию, миру, где, повторяем, тайны больше, чем определенности, стихии больше, чем порядка. Порядок вообще есть лишь мгновение стихии, а не наоборот. Не порядок рождает стихию, а стихия — порядок! Философия есть упорядочение стихии в рамках самой же стихии, достижение произвольных упорядочений посреди фундаментальной стихии. О какой стихии и каком порядке тут речь? О стихии мира, бытия, жизни, сознания, как и их свободном воззренческом упорядочении. Философия занята воззренческим через воображение и посредством логоса упорядочением контекстной, включая сознание, стихии.

Есть ли при этом удобоваримые эффективные результаты? Здесь возникает проблема *философического праксиса*, влияния философии на сознание, ноосферу, на человеческое жизнеотправление. Имеют ли философические абстракции какое-либо практическое значение?

Обычный цивилизованный человек считает, что философия есть лишь оторванное от реальности упражнение ума, вроде тех же шахмат. Затеяливая академическая игра — не более того! Однако это не то что не совсем так, а это совсем не так: философия, как это ни покажется кому-то странным, прямо в гуще цивилизованной жизни, в ее непосредственной реализации. И это нетрудно показать, ежели обратиться к словам, понятиям, концептам, повсю используемым цивилизациями в той или иной момент исторического времени.

Была когда-то та же античная цивилизация со свойственной ей высокой культурой, как и была потом христианская цивилизация с ее сакрализованным мировосприятием, затем наступил европейский Модерн, рожденный Ренессансом и родивший гуманизм с либерализмом, закончившиеся явлением коммунизма и того же фашизма, а сейчас вот имеет место постмодерновый глобализм — и все это было обоснованно, освещено и оснащено словесно, понятийно и концептуально ничем иным, как... *философией*, вовсе при этом не такой уж академической. Употребляя слова, пользуясь понятиями и следуя тем или иным концептам, обычный цивилизованный человек менее всего задумывается над тем, что очень многие полезные ему слова, опорные понятия и применяемые им концепты имеют прямое философское происхождение. Вся более или менее абстрактная часть сознания цивилизованного человека — *философическая*! Соответственно и окружающая человека цивилизованная реальность тоже в основе своей философическая.

Философия — вскрытие, созидание и обоснование *смыслов*, а затем и посыл этих смыслов в логосном отображении в реальную жизнь. В этом-то прежде всего и состоит практическая функция философии. Философия дает воззрение, начинает им сознание, задает координаты осознанного бытия, хотя и не занимается его непосредственным строительством и прямой реализацией. Даже такая вроде бы практическая философская отрасль знания и мысли, как философия хозяйства, выполняет более осознательно-направительную, чем собственно практическую функцию. Будучи сама, как и вся вообще философия, элементом человеческого ментального хозяйства, философия хозяйства оставляет основную долю практического хозяйства... за самим хозяйством, довольствуясь лишь некоторым в нем концептуальным присутствием.

Нельзя ни недооценивать роли и значения философии в жизнеотправлении человека, которые воистину громадны, ни преувеличивать практические — прикладные, функциональные, деятельские — возможности философии, для чего философия просто бывает не предназначена. Одно дело идеология, культура, сознание, политика, совсем другое — наука, техника, технология, любое практическое деяние. Между философской интенцией и практическим деянием — огромная дистанция, перекрываемая сознанием в качестве посредника и переводчика между собственно философическим и собственно нефилософическим мирами.

Сегодняшний евроамериканский мир — мир Постмодерна, когда модернизации подвергаются не столько природа и общество, сколько уже сам человек, причем прямо уже за рамками своего естества. Вокруг современного человека гигантская искусственная неприрода, человек бытует в денатурализованном (мегаполюсном) социуме, а сам человек уже то ли пока еще *все-еще-человек* или же *уже-и-не-человек*. На повестке дня гигантская мутация человека, но не в нового человека, как это было в эпоху того же Модерна, а уже в *пост-человека*! Философия это видит, обосновывает, предупреждает, от этого предостерегает и... во всем этом... участвует, разумеется, делая это по-своему: идейно, понятийно, концептуально.

Отсюда и главная коллизия современности: *от человека через его апокалиптический кризис к постчеловеку!*

Не надо думать, что постчеловек нереален или это дело отдаленного будущего. *Он уже здесь*, расчеловечивание повсю идет — как подготовка к окончательному мутационному скачку!

Перед уже открывшейся мутационной перспективой замирает сознание, стынет душа, немеет ум, в особенности, когда нынешний передовой «человечек» все это преспокойно одобряет, смело готовясь к отлету в космос в статусе уже «невозвращенца».

Философия способна все это оправдать и обосновать, как и, наоборот, подвергнуть резкой критике и решительно осудить. А что же тогда делать нам, российским мыслителям, если таковые среди россиян еще есть: оправдывать или осуждать, а ежели осуждать, то что же предлагать взамен?

Это только кажется, что во всем этом нет ничего особенного, на самом-то деле тут все очень и очень не просто — и не потому, что слишком замысловато, а потому что это повсю уже идет, в том числе и в России. Правда, в России еще задаются сакраментальными вопросами, пытаются понять и распознать происходящее, даже что-то предложить и иное. И осмысление это усиливается по мере уже текущего восстановления, как и уже грядущего, хоть еще и остающегося в возможности, *возрождения* России, причем не государства только, не страны, не империи, а именно *России*, совсем недавно еще усиленно подавлявшейся и нагло отрицавшейся (вовсе не только в жуткие 1990-е гг.).

У России есть своя высокая философия, обозначившаяся в новейшее время как раз к моменту гибели Российской империи, происшедшей в ходе и в результате нероссийской по сути революции, начатой февралем 1917 г. Речь идет о *русской софийной философии* (В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Е. Трубецкой и др.), как раз и пытавшейся, обращаясь к Софии Премудрости Божией, предотвратить гибельную революцию, отринуть наступавший марксистский социализм, возродить русскую святость, а точнее — *Россию!* Было примерно так же, как и мы сегодня пытаемся делать, отстаивая Россию перед лицом глобализма, воинствующего либерализма, мирового экономизма, разлагающего постмодернизма, бесчеловечного технологизма.

У русского и солидарного с ним человека нет ничего более четкого, понятного, утвердительного и спасительного, чем *Россия* — этот вполне иномирный, если и не неотмирный, феномен, настоящая метафизическая святыня. Не Европа, не Америка, не Азия, не Евразия, как и не гуманизм, капитализм, социализм, либерализм и т. п. вещи, а всего лишь *Россия* — это страдательная, но и воистину софийная данность, от которой нынче родилась и утверждается не философия даже (человеческая мудрость), а *софиасофия* (мудрость внечеловеческая, высшая, божественная). Причем, обратим внимание, не *софиософия* — как учение о Софии, а именно *софиасофия* — как взаимодействие с Софией.

И дело здесь не в новых или же переосмысленных словечках, наименованиях и смысловых зацепках, а в самом обращении современного мыслящего русского к таким сакральным понятиям, как Россия и русскость, София и софиасофия — и вовсе не какое-то там вероподобное обращение, а совершенно реалистичное — как к чему-то подлинному, настоящему, коренному, как к несущему существу.

И если все это принять всего лишь за миф, то это миф, безусловно, действенный, как раз тот самый, который удерживает русского человека в мире, дает ему опору, ориентирует его, сосредоточивает, укрепляет и мобилизует, открывает перспективу. С Россией и Софией жить можно, как и действовать (хозяйствовать) ради России и по заветам Софии, и всюю *творить*, реализуя на практике родившуюся и бытующую в России *философию хозяйства*.

Что же касается ультрасовременного аспекта, то возрождающейся России необходимо пройти через *пост-реформенный* фазис, пережить, освобождаясь от кабальной зависимости от внешнего контекста, глобальное перестроение (не перестройку с остановкой и разрушением, а именно безостановочное и сознательное перестроение — прямо на ходу, на марше), чтобы, полностью овладев современностью, подчинить себе и переиначить происходящие в мире перемены, не утратив при этом ни человека, ни жизни, ни перспективы!